

ПЕРЕХОД К «МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ» В ГЕРМАНИИ И РУССКАЯ ПРЕССА

Д. Вульф

*Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Санкт-Петербург)*

Поступила в редакцию 29 марта 2019 г.

Аннотация: статья посвящена вопросу преобразования Внешнеполитическим ведомством Германии политики в отношении российской общественности после вступления на путь глобальной колониальной политики в 1897 г. В фокусе внимания находятся попытки формирования общественного мнения относительно германской политики и оказания влияния на газеты в России.

Ключевые слова: Россия, Германия, Бернхард фон Бюлов, российско-германские отношения, русская пресса, внешняя политика.

Abstract: the article is devoted to the question how the German foreign ministry, after embarking on the path of global colonial policy in 1897, restructured its policy towards the Russian public opinion. In focus are attempts to control public opinion concerning German politics and to influence the newspapers in Russia.

Key words: Russia, Germany, Bernhard v. Bülow, Russian-German relationship, Russian newspapers, foreign policy.

Мировая политика (Weltpolitik) как понятие, которое охарактеризовало новые цели и новый стиль германской внешней политики, утвердилось в середине 90-х гг. XIX в. Оно являлось выражением возрастающих амбиций политических и экономических элит Германской империи и требовало активного вмешательства в новый колониальный передел мира [1, S. 223–356]. Символом вступления в силу Weltpolitik стали назначения новых статс-секретарей внешнеполитического ведомства Бернхарда фон Бюлова и военно-морского флота Альфреда Тирпица, а также оккупация и последующее превращение в колонию Германии территории Цзяо-Чжоу на Шаньдунском полуострове в северном Китае в 1897 г. В отношениях с великими державами, прежде всего, с наиболее важными для Германии в этом плане Великобританией и Россией, германская внешняя политика подчеркивала необходимость проявления силы и свободы действия, при этом не исключая сближение с той или иной державой. Хотя «провод между Берлином и Санкт-Петербургом» был прерван в результате невозобновления договора о перестраховке в 1890 г., политики и дипломаты в Германии исходили из того, что в случае срочной необходимости, вполне возможно, будет новое сближение с могущественным соседом на востоке. Актёрам внешней политики было понятно, что переход к глобальной колониальной политике требовал особого внимания, а также более решительных и согласованных усилий по отношению к прессе. Прежде всего это относилось

к газетам и журналам в России. Любое проявление недоверия, подозрения и недружелюбия воспринималось в этой ситуации крайне болезненно и требовало решительных контрмер. На первый план выдвигалась необходимость скоординированной и целостной политики, направленной на получение рычагов влияния на общественность в России. Прежняя политика по отношению к русской прессе никак не удовлетворяла этим требованиям [2; 3].

В 1897 г. появились реальные предпосылки для качественных изменений в этой области, которые были связаны с приходом Бюлова на новую должность. Бюлов уже на ранних этапах своей карьеры имел возможность получить опыт работы с прессой. В преддверии подписания договора о Двойственном союзе с Австро-Венгрией в 1879 г. он входил в созданную Бисмарком рабочую группу, которая должна была с помощью заказных статей помочь преодолеть сопротивление Вильгельма I против планируемого альянса [4, p. 115; 5, S. 119]. В 1880-е гг. во время службы в немецком посольстве в Петербурге ему довелось иметь дело с местными газетами. Об этом свидетельствует 50-страничный обзор, в котором он подробно разбирал ситуацию в российской прессе. Результаты этого исследования убедили его в неэффективности оборонительной позиции в отношении ее антигерманской направленности и в необходимости более активных действий [6, S. 41].

Новый пост статс-секретаря во Внешнеполитическом ведомстве Германии давал Бюлову возможность для целенаправленных действий в этой области. С самого начала своей деятельности в Берлине статс-

секретарь большое внимание уделил налаживанию хороших связей между правительством и немецкой прессой. На приемах в германском внешнеполитическом ведомстве все чаще стали появляться именитые журналисты. В многочисленных инструкциях Отто Хамманну, который руководил Отделом печати в германском МИДе, он заботился не только о том, чтобы самому предстать в положительном свете перед прессой, но и представить в оном свои отношения с кайзером [4, р. 118; 7, S. 106]. И хотя в круг друзей Бюлова входили некоторые журналисты – сам он называл в своих мемуарах Августа Штайна из «Frankfurter Zeitung», Эмиля Фитгена из «Weser-Zeitung», Георга Эртеля из аграрной «Deutsche Tageszeitung» и корреспондента «Kölnischer Zeitung» Хуна [8, S. 73–74, 104, 193], – статс-секретарь ни в коей мере не обходил своим вниманием и другие газеты. Будучи убежденным в необходимости «как можно большего количества связей с прессой, как внутренней, так и зарубежной», и уверенным в своем умении «лепить людей» [7, S. 110–111], Бюлов не уклонялся и от контактов с теми журналистами, которые были не слишком доброжелательно расположены к нему. Теодор Вольф, главный редактор либеральной газеты «Berliner Tageblatt», и вовсе рассказывал, что был представлен политику посредством мягкого, но настойчивого давления [8, S. 16–20]. Бюлов отличался еще и тем, что был часто вплоть до мелких подробностей осведомлен об иностранной прессе и журналистах [10]. Однако интенсификация отношений с прессой со стороны германского внешнеполитического ведомства была вызвана не только, и даже не в первую очередь, личными качествами нового статс-секретаря. Активная внешняя политика империи неизбежно требовала работы с прессой, в том числе и с российской, чтобы предупредить ожидаемое возмущение в обществе. Немецкая политика должна была быть представлена соседнему государству как можно менее агрессивной, чтобы свести к минимуму напряженность, которая была неизбежным следствием германского «стремления занять место под солнцем».

До 1890-х гг. внешнеполитическую ориентацию консервативной российской прессы определял абстрактный панславизм, чей интерес был направлен на соотношение сил на Балканах. Все более усиливающийся протекционизм добавил после начала таможенной войны в 1893/94 гг. экономические сюжеты. С осени 1897 г. предметом освещения в российской прессе все чаще становился конфликт интересов с Германией на Дальнем Востоке. На рубеже веков главной темой стала немецкая экспансия на Ближнем Востоке [11, с. 3–16]. Строительство Багдадской железной дороги символизировало отныне для большей части российской прессы угрозу первостепенной

имперской и славянской цели, а именно притязания России на проливы. Это способствовало солидаризации интересов между государством и обществом в России, что, должно быть, негативно сказалось на эффективности попыток Германии оказать влияние на прессу в России.

Но не только международные отношения на рубеже веков претерпели существенные изменения. Крупные перемены произошли в это время и с самой прессой. Именно в конце XIX в. она начала постепенно превращаться в пресловутую «четвертую» власть, о чем свидетельствовали первые «газетные войны» на международной арене [3, с. 46–47; 12]. В самодержавной России пресса была еще далека от такого влияния, но даже современники обращали внимание на то, что именно в области внешней политики газеты и журналы уже в конце XIX в. имели достаточно большой простор для действий [13, S. 371]. В отличие от внутренней политики, в вопросах освещения внешнеполитических аспектов Главное управление по делам печати отличалось достаточной либеральностью и крайне редко запрещало даже критические по отношению к официальной внешней политике статьи. Хотя такое отношение часто расценивалось как доказательство того, что пресса играла отведенную ей роль в дипломатической игре, в посольстве Германии в Санкт-Петербурге дипломаты были склонны недооценивать взаимодействие прессы и МИДа. Временный поверенный в делах князь Пюклер считал, что пресса не имела четкой политической ориентации и, по его мнению, была раздражена «из-за растущего влияния Германии в Турции». Однако эта тенденция, продолжал он, не должна вызывать тревогу, пока у власти находятся миролюбивые министры, такие как Витте и Ламздорф [14]. Нелюбовь к Германии он в порыве национальной ограниченности пытался объяснить «страхом перед превосходящим интеллектом западного соседа» [15]. Посол князь Радолин, однако, видел ситуацию яснее. Он полагал, что из поведения прессы вполне «можно сделать выводы о настроении самого правительства» [16].

Повышенное внимание, уделяемое российской прессе, первым делом требовало интенсификации обмена информацией между Петербургом и Берлином. При этом важная роль отводилась Телеграфному агентству Вольфа (Wolffs Telegraphisches Bureau, далее – W.T.B.), основанному в 1849 г. в Берлине. Однако к концу 1890-х гг. официальный характер информации, переданной через W.T.B., был уже широко известен публике, к тому же соглашения с крупнейшими телеграфными агентствами Европы, с британским Рейтером и французским Гавасом, разделившие Европу на сферы влияния, сузили радиус действий W.T.B. [17, S. 62–64]. В России Телеграфное агентство Вольфа сотрудничало с созданным в 1894 г.

и подконтрольным правительству Российским телеграфным агентством. Зафиксированная в соглашениях зависимость российского от немецкого агентства, разумеется, не устраивала правительство в Санкт-Петербурге. Раздражение вызвали случаи, когда В.Т.В. отказывало правительственным учреждениям в публикации сведений, ознакомление с которыми общественного мнения Германии представлялось с русской точки зрения необходимым [Ibid., S. 290–291; 18, с. 32–38].

Помимо того, в декабре 1898 г. Внешнеполитическое ведомство по поручению Вильгельма II потребовало от посольства в Санкт-Петербурге внимательно следить за местной прессой и усилить освещение внутренней ситуации в России [16]. Результатом стали более частые и длинные донесения из Санкт-Петербурга и других городов Российской империи, которые показали, что пресса не только озвучивала настроения и мнения, но и являла собой первоклассный источник информации. Особенно консульские отчеты из разных городов и регионов России, информация в которых чаще всего бралась из местной прессы, стали тем источником, из которого чиновники германского внешнеполитического ведомства черпали свои знания о событиях в экономике, науке и культуре на просторах обширной царской империи.

Как это ни парадоксально, но внимательное наблюдение за российской прессой привело к тому, что эффект от германофобских статей усилился. Эти статьи, на которые в немецком посольстве в Петербурге, очевидно, уже давно перестали обращать внимание, теперь вновь стали попадать на страницы дипломатических донесений, обсуждались и становились предметом осложнений. Сразу же после вступления в должность статс-секретаря во Внешнеполитическом ведомстве в октябре 1897 г. Бюлов запустил целую череду протестов против антигерманских статей в российских газетах, на которые получил малозначашие обещания царского правительства заставить российскую прессу смягчить тон. После предшествующих упреков посол Германии в Санкт-Петербурге Радолин с полным убеждением сообщал в начале 1898 г., что министр иностранных дел Российской империи М. В. Муравьев «в последнее время, после наших жалоб на тон российских газет в адрес Германии, стал уделять особенно пристальное внимание ситуации в прессе» и собирался повысить объективность статей, предоставляя газетам больше информации со стороны Министерства иностранных дел [19]. Уже в мае 1898 г. бдительный Бюлов вынужден был вновь отметить, что «вся русская пресса вступила на тропу войны против Германии» [20, S. 180]. Предметом полемики была германская политика на Ближнем Востоке и на Балканах, которая, казалось, вновь угрожала исконным славян-

ским интересам. В соответствии с приказом Бюлова Радолин подал жалобу в МИД Российской империи, и Муравьев пообещал сделать представление ответственному за этот вопрос министру внутренних дел [Ibid., S. 181–182]. И вновь немецкий посол полагал, что добился успеха. Его собеседник утверждал, что сделал все, «чтобы прекратить полемику» и повлиять на князя Е. Е. Ухтомского («Санкт-Петербургские ведомости») и на «Новое время». Последнее, по словам Муравьева, уже смягчило тон [Ibid., S. 183]. Однако сдержанность российских националистических газет продлилась всего несколько недель. 1 августа 1898 г. Радолина вновь пришлось жаловаться царю на злобные высказывания в газетных статьях, которые настраивали «население против немецкой политики, против всего немецкого», а также на своих предыдущих собеседников, которые якобы не использовали находящуюся в их распоряжении власть над прессой. Разговор закончился тем, что Николай II дал «самое твердое обещание проследить за ситуацией» [Ibid., S. 185–188]. Однако даже обещание самодержца не дало результата. Редкие прямые контакты с издателями и редакторами российских газет также не помогли Вильгельмштрассе. На вопрос Радолина, почему «Санкт-Петербургские ведомости» подвергают нападкам Германию, ее редактор, князь Е. Е. Ухтомский, ответил, что в отношении к Германии нет никакой враждебности, что это всего лишь критика, и что, кроме того, вопреки иным утверждениям царь не разделяет его мнение [21]. Однако, если верить тому, что сообщал французский посол в России граф Монтебелло о разговоре, который состоялся по настоянию К. Н. Победоносцева между Ухтомским и царем, это заявление не вполне соответствовало действительности. Николай II, утверждал Монтебелло, сказал публицисту, что не думает о том, чтобы наказать его, что он достойный и убежденный человек, который может свободно и открыто выражать свое мнение. Ухтомскому просто следует несколько смягчить тон и избегать личных нападок [22]. Русская националистическая пресса изменила свой националистический стиль столь же мало, сколь правительство в Берлине изменило свою политику. Аргументы и контраргументы оставались неизменными. Дискуссии о германофобии некоторой части прессы в царской империи стали обычным явлением в германо-русских отношениях. Даже то обстоятельство, что после кончины Бисмарка в 1898 г. в русской прессе произошла трансформация его образа – из непримиримого врага он превратился в миролюбивого соседа [23, с. 90], – вряд ли успокоило Бюлова и чиновников во Внешнеполитическом ведомстве на Вильгельмштрассе.

Тот факт, что дипломаты обеих стран в последние годы XIX в. не могли справиться с «газетными война-

ми», был обусловлен, прежде всего, тем, что они упорно не слышали аргументов друг друга. В то время как Радолин и Бюлов постоянно утверждали, что российское правительство легко могло бы прекратить происки местной печати простым приказом и, следовательно, их бездействие нужно расценивать как политически мотивированное, М. В. Муравьев и позднее В. Н. Ламздорф указывали на то, что «замечания и наказания только разозлят прессу и спровоцируют нападки на правительство» [20, S. 181]. Правда была в данном случае, скорее всего, на российской стороне, хотя Муравьев и умалчивал одну важную причину слабого успеха интервенций – отсутствие личной заинтересованности. Время от времени Певческий мост все-таки достаточно успешно оказывал влияние на прессу, прежде всего, когда речь шла об изображении российской политики и ее действующих лиц [24, с. 290–298; 25].

Настойчивые, но малоуспешные попытки Бюлова побудить российскую прессу к умеренности касались одного из краеугольных камней его внешнеполитической стратегии, которая предусматривала хорошие отношения как с Россией, так и с Великобританией. В ее интересах было необходимо держать импульсивного кайзера подальше от германофобских выпадов российских газет, чтобы не усиливать его пробританские настроения [26, S. 176–180]. Вильгельм II был «очень чувствительным в этом отношении», предупредил российского посла в Берлине барона Остен-Сакена, «и со временем это (газетная полемика. – Д. В.) не может не повлиять на него» [20, S. 180; 26, S. 177]. Собственноручные заметки императора на полях многочисленных донесений из России, казалось, подтверждали опасения Бюлова. Но славянофобия была константой в его политическом мышлении, на которую нападки прессы в целом влияли мало.

Поскольку политические средства для сдерживания консервативно-националистической прессы в России оказались неэффективными, оставались две возможности: учредить газету, представляющую интересы Германии, или купить уже существующую. Еще в октябре 1895 г. посол Радолин попросил рейхсканцлера Хлодвиг цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрста создать секретный фонд, из которого должна была оплачиваться закрытая для общего доступа информация. По его словам, особенно в Санкт-Петербурге было трудно «получить напрямую сведения о вещах, которые совершаются втайне и которые имеют первостепенное значение и важны для оценки обстоятельств и персон». Но зато доступ к секретной информации открывался, если «определенные личности умело с помощью денежных подарков получали возможность улучшить свой, как правило, не соответствующий их образу жизни, доход» [27]. Подраз-

умевались, прежде всего, представители среднего и низшего класса министерской бюрократии, а также хорошо информированные журналисты. Посредником был избран публицист Адольф Штайн, который, как говорили, имел хорошие связи в царской империи. Для него Радолин также подготовил денежное подношение, чтобы отблагодарить его «заранее за потраченное время и за его дружескую помощь». Дипломат нашел у канцлера Гогенлоэ полную поддержку. Указом от 22 апреля 1896 г. ему были выделены 4000 рейхсмарок. Всего Внешнеполитическое ведомство в Берлине располагало для достижения таких и подобных целей «секретным диспозиционным фондом» в размере 500 000 марок [17, S. 52]. Позже в разговоре с канцлером Радолин охарактеризовал использование этих денежных средств как успешное – по-настоящему информированных людей не встретить в петербургских салонах, утверждал он, потому что они не принадлежат к дворянству, – преследуя при этом, вероятно, и скрытый мотив заинтересовать Гогенлоэ в увеличении секретного фонда. И действительно, в 1898 г. послу было выделено уже 6000 рейхсмарок [28]. Конечно, и этих средств было недостаточно, чтобы активно влиять на общественное мнение. Здесь были необходимы другие меры.

Еще в конце сентября 1897 г. Бюлов получил донесение Радолина, в котором указывалось на то, что в российской прессе якобы наблюдаются устремления создать противовес изданиям «Свет» и «Новое время», которые, как считали в Берлине, были профранцузскими и, возможно, даже финансировались из Парижа. В качестве контактного лица Радолин нашел известного адвоката и журналиста А. Н. Молчанова [29]. Он уже давно писал для «Нового времени» и имел доступ к материалам российского Министерства иностранных дел [30, р. 33; 31, с. 245]. Однако, как выяснилось чуть позже, некоторые из его публикаций носили германофобский характер, и тем самым его кандидатура для издания прогерманской газеты была отвергнута [29]. Однако сама идея сильно привлекла внимание Бюлова. «Это было бы очень ценно, – писал он Радолину, при этом добавив “очень” от руки, – если бы в Санкт-Петербурге удалось создать газету, которая бы печатала статьи в строго национально-русском и православном смысле, время от времени выступала против французских происков в российской прессе и подчеркивала возможность добрых политических и экономических отношений с Германией». Он полагал, что «можно было бы привлечь интерес предпринимателей, заинтересованных в тесных контактах с Россией», чтобы добыть необходимые для этого проекта средства. Радолину было поручено продолжить поиск надежного журналиста, подходящего на пост редактора [Ibid.].

Бесконечная полемика со стороны российской прессы побудила Бюлова три месяца спустя, в середине декабря 1898 г., «вновь серьезно подойти к вопросу о том, возможно ли и, если да, то каким образом, преуспеть в установлении контактов с влиятельными российскими газетами и может ли быть намечено с перспективой на успех учреждение российской газеты, отвечающей нашим целям». Ввиду остроты антигерманских атак Бюлов вновь счел целесообразным серьезно указать на то, что учреждаемый печатный орган должен стоять на «ярко выраженной про-российской позиции» и представлять линию, согласно которой Россия не может быть заинтересована в том, чтобы «находиться со своими немецкими соседями в менее дружественных отношениях, чем с Францией, Англией или Австрией» [32]. Действовать следовало крайне осторожно, учитывая, сколь негативно огласка связей между газетой и Внешнеполитическим ведомством могла сказаться на репутации последнего. В начале 1899 г. поверенный в делах в Санкт-Петербурге Генрих фон Чиршки сообщил о неожиданном контакте с сотрудником «Нового времени», редактором Манойловым (речь, по-видимому, шла о сотруднике газеты И. И. Манасевич-Мануйлове). Важное событие, которое, по словам Чиршки, несмотря на надлежашую сдержанность, обнадеживает [33]. Бюлов, со своей стороны, распорядился с осторожностью поддерживать отношения с «Новым временем» и «чтобы всем российским газетам, стремящимся наладить контакт с посольством, предоставлялась качественная информация в интересах Германии» [34]. Однако имеющиеся документы свидетельствуют о том, что в 1898/99 г. дальше этих спорадических контактов и довольно общих планов по созданию собственного рупора в царской империи дело не пошло.

После вступления в должность канцлера в октябре 1900 г. политика в отношении российской прессы осталась в ведении Бюлова, поскольку экономические и политические конфликты угрожали хорошим отношениям. Служебные связи между пресс-секретарем Отто Хамманном и канцлером теперь перешли на качественно новый уровень. В феврале 1901 г. Отделу печати была представлена всеобъемлющая инструкция, составленная секретарем Политического отдела князем Лихновским и снабженная комментариями рейхсканцлера Бюлова, в которой определялся образ внешней политики Германии, предназначенный для общественности. Первым же пунктом в ней значилось: «Наши отношения с Россией превосходны, однако в противовес русско-французской группе необходимо также отличное взаимопонимание с Великобританией» [26, S. 312]. Комментарий канцлера на полях — «насколько это от нас зависит и если элементарно не вмешаются панславистские течения» — на-

глядно показывал, какое значение он по-прежнему придавал общественности и заявлениям российской прессы. Положительный отклик правительства в Петербурге на его первое выступление в Рейхстаге в качестве канцлера, казалось, означал прорыв в этом отношении. Он сразу же попытался вовлечь российскую прессу в наметившийся консенсус. Если она не будет регулярно положительно реагировать на дружеские сигналы со стороны Рейхстага, то это может негативно отразиться на его настроении по отношению к России, говорилось в одной из инструкций посольству в Петербурге [35, S. 5–6]. Тем самым он поднимал планку ожиданий от российского правительства до опасных высот.

Консервативные газеты в царской империи, встревоженные планами Германии относительно строительства Багдадской железной дороги и прошупыванием почвы на предмет немецко-британского сближения на Дальнем Востоке, с осени 1900 г. с новой энергией возобновили свои нападки на ближневосточную политику кайзеровской империи. И вновь началась череда дипломатических вмешательств, сменявшихся обещаниями, затем опровержениями и новыми протестами [14; 35, S. 31–32]. Кульминационного момента полемика в прессе достигла в декабре 1901 г., когда «Новое время» и другие газеты очень резко атаковали польскую политику германского правительства в связи с Врешенским процессом. Бюлов вспомнил время непосредственно перед последней русско-турецкой войной. И хотя канцлер даже выразил Певческому мосту свое понимание относительно того, что внешняя политика является своего рода «громоотводом» для прессы, обычно притесняемой в царской империи, тем не менее он открыто указал на надвигающийся крах одного из основополагающих элементов своей политики в области печати. Он «не без труда предотвратил излишнее внимание немецкой прессы на эту мобилизацию российской публицистики». Но терпение небесконечно [35, S. 36–37]. Эта столь же искренне, как и беспомощно звучащая аргументация, очевидно, кратковременно произвела желаемый эффект на российских партнеров. Вопреки предыдущему опыту «полное понимание графа Ламздорфа» вызвало, по крайней мере, на время более сдержанный тон российской прессы, «в частности, почти полное молчание в отношении нашей польской политики» [35, S. 37–38]. М. Н. Ламздорф, вопреки мнению многих современников и биографов, не хуже Бюлова понимал важность общественного мнения для эффективной внешней политики и искусно играл на струнах средств массовой информации [36, с. 56]. Вероятно, неудачи германских дипломатов были обусловлены тем, что на Певческом мосту сопротивление их усилиям оказали профессионалы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Canis K.* Von Bismarck zur Weltpolitik. Deutsche Außenpolitik 1890–1902 / K. Canis. – Berlin, 1997. – 430 S.
2. Вульф Д. Отто фон Бисмарк и русская пресса / Д. Вульф // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2015. – № 3. – С. 5–10.
3. Вульф Д. Новый курс в Германии и газетные войны с Россией (1890–1897 годы) / Д. Вульф // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2016. – № 2. – С. 46–49.
4. *Lerman K. A.* The Chancellor as Courtier. Bernhard von Bülow and the Governance of Germany 1900–1909 / K. A. Lerman. – Cambridge, 1990. – 350 p.
5. *Fesser G.* Reichskanzler Bernhard Fürst von Bülow / G. Fesser. – Berlin, 1991. – 174 S.
6. *Hammann O.* Bilder aus der letzten Kaiserzeit / O. Hammann. – Berlin, 1922. – 163 S.
7. *Hammann O.* Zur Vorgeschichte des Weltkrieges. Erinnerungen aus den Jahre 1897–1906 / O. Hammann. – Berlin, 1918. – 250 S.
8. *Bülow B. v.* Denkwürdigkeiten / B. v. Bülow. – Bd. 3. – Berlin, 1931. – 433 S.
9. *Wolff T.* Die Wilhelminische Epoche. Fürst Bülow am Fenster und andere Begegnungen / T. Wolff. – Frankfurt a.M., 1989. – 435 S.
10. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее – PA). – R10518. – 20.02.1899.
11. Рыбаченок И. С. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв. / И. С. Рыбаченок // Вопросы истории. – 2014. – № 1. – С. 3–16.
12. *Geppert D.* Pressekriege. Öffentlichkeit und Diplomatie in den deutsch-britischen Beziehungen (1896–1912) / D. Geppert. – München, 2007. – S. 125–232.
13. *Ferenczi C.* Funktion und Bedeutung der Presse in Russland vor 1914 / C. Ferenczi // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1982. – Bd. 30. – H. 3. – S. 362–398.
14. PA. – R10519. – 07.11, 12.11, 28.12.1900.
15. PA. – R10520. – 09.11.1901.
16. PA. – R10519. – 28.12.1900.
17. *Wroblewski M.* Moralische Eroberungen als Instrumente der Diplomatie. Die Informations- und Pressepolitik des Auswärtigen Amtes 1902–1914 / W. Wroblewski. – Göttingen, 2016. – 340 S.
18. Набережнов Г. А. Санкт-Петербургское телеграфное агентство и консорциум мировых телеграфных агентств осенью 1904 г.: взаимоотношение и формирование независимости информационной службы / Г. А. Набережнов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2013. – № 159. – С. 32–38.
19. PA. – R10056. – 26.01.1898.
20. *Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes.* Im Auftrage des Auswärtigen Amtes hg. von J. Lepsius. A. Mendelsohn Bartholdy, F. Thimme. – Bd. 13. – Berlin, 1924.
21. PA. – R15017. – 09.01.1898.
22. *Archiv diplomatique du Ministère des Affaires Etrangères.* – Nouvelle Serie. Russie. – Nr. 15. – 08.01.1898.
23. Ипатов А. Отто фон Бисмарк в восприятии публицистов Российской империи / А. Ипатов // Российская история. – 2015. – № 6. – С. 85–90.
24. Кострикова Е. Г. Источники внешнеполитической информации буржуазных газет (на материалах архивных фондов «Речи» и «Русского слова» / Е. Г. Кострикова // Исторические записки. – 1979. – Т. 103. – С. 275–298.
25. PA. – R10021. – 30.04.1900.
26. *Winzen P.* Bülows Weltmachtkonzept. Untersuchungen zur Frühphase seiner Außenpolitik 1897–1901 / P. Winzen. – Boppard, 1977. – 462 S.
27. PA. – R2138. – 15.10.1895.
28. PA. – R2138. – 17.01.1898.
29. PA. – R10516.
30. *Ambler E.* Russian Journalism and Politics 1861–1881. The Career of Aleksey S. Suvorin / E. Ambler. – Detroit, 1972. – 239 S.
31. *Дневник А. С. Суворина* / под ред. М. Кричевского. – М.; Л., 1981. – 407 с.
32. PA. – R10517. – 17.12.1898.
33. PA. – R10517. – 17.01.1899.
34. PA. – R10517. – 20.01.1899.
35. *Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes.* Im Auftrage des Auswärtigen Amtes hg. von J. Lepsius. A. Mendelsohn Bartholdy, F. Thimme. – Bd. 18/1. – Berlin, 1924.
36. Каулин К. В. Политика министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа в отношении прессы в начале XX в. / К. В. Каулин // Вопросы истории. – 2016. – № 8. – С. 46–58.

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

Вульф Д., доктор философии, долгосрочный доцент ДААД

E-mail: dwulff@hse.ru

National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg)

Wulff D., Doctor of Philosophy, Permanent Visiting Associate Professor of the DAAD

E-mail: dwulff@hse.ru